

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА и МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

СЕРИЯ

ИРАНСКАЯ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИРАНСКИМ ЯЗЫКАМ

Под редакцией

В. И. АБАЕВА

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1950

ЛЕНИНГРАД

2007333474

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА и МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

~~9~~
~~1~~
~~285~~

XXIV $\frac{214}{13}$

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

II

К5086-02

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

В. С. СОКОЛОВА

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ФОНЕТИКЕ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(Предварительное сообщение)

В исполнение задач пятилетнего плана по Институту языка и мышления АН СССР, предусматривающего систематическое изучение фонетики иранских языков, мною в течение 1947—48 гг. были совершены следующие поездки: в Туркмению (белуджский и курдский языки), в Азербайджан (тальшский и татский языки) и в Таджикистан (памирские языки). Работа по памирским языкам продолжалась также в экспедиционный сезон 1949 г., и ее результаты будут опубликованы в следующем выпуске.

Настоящая статья представляет собой предварительное сообщение о результатах поездок к белуджам, курдам, тальшам и татам. В исчерпывающем виде собранные материалы будут опубликованы по их окончательной обработке.

БЕЛУДЖСКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время белуджи живут в нескольких районах Марыйской области (преимущественно в Куйбышевском, Туркмен-калийском и Йолотанском), образуя свои национальные колхозы, и занимаются, главным образом, культурой хлопка.

Население не составляет компактной массы, белуджские аулы (колхозы) вкраплены среди туркменских. Кроме родного языка белуджи пользуются персидским и туркменским, владея ими в разной степени. Персидский язык знает лишь старшее поколение, туркменским языком пользуются все, но вполне владеет им лишь молодежь, для которой уже можно говорить о двуязычии. Заметного влияния туркменский язык на белуджский не оказывает, какой-либо ассимиляции белуджей с окружающим населением не наблюдается. Напротив, белуджские колхозы вбирают в себя другие иранские народности, менее многочисленные и более разрозненные. Так, вливаясь в белуджские колхозы, ассимилируются с белуджами персоязычные берберы и другие выходцы из Ирана, называющие себя парсы.

Сбор материалов проводился в сентябре 1947 г. в белуджском колхозе Нокундайхан Туркмен-калийского района. Для проверки привлекались материалы из колхоза имени Куйбышева того же района. При работе применялся кимограф.

Основы фонологии по языку белуджей Советского Союза были уже установлены. И. И. Зарубиным был установлен состав фонем¹ и совместно с Л. В. Щербой была дана основная характеристика фонем с качественной их стороны.² Однако некоторые фонологически существенные вопросы оставались все же неясными. Наиболее существенным из них был вопрос о взаимоотношении количества и качества гласных при их противополжении. Вопрос о длительности гласных является вообще одним из кардинальных вопросов при изучении фонетики иранских языков. Известно, что как древне-персидский, так и средне-персидский вокализм характеризуется противополжением кратких и долгих пар.³ Известно также, что для современных иранских языков характерным становится качественное противополжение фонем, например, для персидского языка.⁴ Для ряда языков вообще трудно говорить о количественном противополжении гласных. При исследовании вокализма таджикского языка выявилась весьма своеобразная картина использования признака длительности; в нем противополжение гласных строится не по признаку „долготы — краткости“, а по признаку „устойчивости — неустойчивости“, с одновременным противополжением по качеству.⁵ Поэтому белуджский вокализм, сохранивший исторические долготы и тождественный по своему составу вокализму средне-персидского языка (*ā, a, ī, i, ū, u, ō, e*), нуждался в детальном рассмотрении в этом плане. Исследование, проведенное в названном семинаре, как раз и выдвинуло вопрос о взаимоотношении качества и длительности при противополжении гласных.

Оставалось неясным, сопровождается ли количественное противополжение пары *a—ā* качественным? Также оставалось неясным взаимоотношение качества и количества в противополжении кратких *i* и *u* их долгим парам, в частности возникал вопрос, в пару к какой долгой фонеме отнести краткое *i*, имеющее широкий диапазон по подъему, — к фонеме *ī* или к фонеме *ē*, а краткое *u* — к фонеме *ū* или *ō*? Л. В. Щерба относил *i* в пару к фонеме *ē*, а *u* в пару к *ō*. Таким образом, вопрос фонетической характеристики фонем перерос в фонологический вопрос о взаимоотношении качественного и количественного признака гласных, в вопрос о том, какой из этих признаков является доминантным, а вместе с тем и об общей

¹ Изложено в курсе белуджского языка, прочитанном И. И. Зарубиным в 1938—39 гг. в Ленинградском университете. См. также предисловие к его „Белуджским сказкам“, часть 2, Л. 1949.

² Исследование проводилось в 1936—37 гг. в особом семинаре по фонетике иранских языков при фонетической лаборатории Ленинградского университета.

³ Древне-персидский вокализм: *ā—a; ī—i; ū—u; e; o*.
Средне-персидский вокализм: *ā—a; ī—i; ū—u; e; o*.

⁴ Ново-персидский вокализм: *ā—a; ī—e; ū—o*.

⁵ Таджикский вокализм: *a, u, i* (неустойчивые), *o, e, ū* устойчивые.

системе противоположений в белуджском вокализме. Основной темой дальнейшего изложения является освещение этого вопроса.¹

Как показало исследование, гласные *a*—*ā* противопоставляются по двум признакам: долготе и качеству. Признак долготы наиболее отчетливо проявляется в открытых слогах: *ādīnk* 'зеркало', *āsīl* 'урожай', *dātā* 'давший', где долгота *ā* слышна совершенно отчетливо, и *agār* 'если', *kāme* 'немного', *adāb* 'воспитание'. В этом положении качественного различия между *ā* и *a* может не быть вовсе. В этом положении как *ā*, так и *a* являются гласными нижнего подъема нейтрального ряда; язык плоско лежит на дне полости рта, подобно русскому *a* между твердыми согласными. Различие в качестве может выявиться здесь лишь как добавочный, несущественный момент: *ā* может незначительно продвигаться назад, а *a* — вперед.

Другая картина возникает в закрытых слогах, где длительность *ā* сокращается, т. е. признак длительности ослабляется и становится недостаточным для противопоставления фонем. Качественное различие *ā* и *a* становится здесь существенным: *a* и *ā* в словах *dar* 'рот' и *ār* 'вода' фонетически могут быть выражены как «*da*₋*r* и *ā*₋*r*». Особенно четко выявляется качественное противопоставление *ā* и *a* в закрытых слогах, перед двумя согласными. В этом положении, при значительном сокращении долгого *ā*, длительность гласных может стать равной, но качество должно быть различным: «*daštā*» 'имевший' и «*gaštā*» 'бродивший' (фонологически *dāšta*, *gašta*).

Исход слова, так же как и закрытый слог, является неблагоприятным положением для сохранения длительности *ā*, поэтому противопоставление *a* и *ā* в исходе в общем аналогично положению в закрытом слоге. Неудачное исходное *a* может иногда заметно продвигаться вперед и вверх: «*jōdē kanīn*» 'я приготавливаю' (фонологически *jōda kanīn*), в то время как *ā* в этом положении остается нейтрального ряда: «*drōga bgušīn*» (фонологически *drōgā bgušīn*) — я расскажу небылицу. Сильное продвижение *a* вперед происходит также в положении его перед *i* и *y*: «*bdæj* или *bdɛj*» 'дай' (фонологически *bdaj*), «*kūtégæjtā* или *kūtégɛjtā*» 'в арбузе' (фонологически *kūtīgajtā*).

Следовательно, диапазон качественных изменений для фонемы *a* значительно шире, чем для фонемы *ā*. Фонема *a* колеблется в полном стиле речи между «*a*» (нейтральный ряд нижнего подъема) и «*æ*» (передний ряд второго подъема), в то время как фонема *ā* качественно почти не меняется (нейтральный ряд нижнего подъема, с возможным незначительным продвижением назад), а дает лишь количественные варианты. В неполном стиле

¹ В дальнейшем при качественной характеристике гласных используется классификационная таблица Л. В. Щербы в 6 ступеней подъема. Без кавычек (курсивом) даются примеры в фонологической транскрипции, в кавычках (елочках) — фонетической транскрипции. Дополнительные знаки следующие: < (e) — расширение гласного; > (e) — сужение гласного; < (a₋) — продвижение вперед; > (a₋) — продвижение назад; ° (Λ°) — огубленность; < (ā) — оглушение.

речи качественный диапазон *a* еще шире, — от «а» до «е». В тех фонетических положениях, где длительность *ā* сокращается, это качественное различие *a* и *ā* выступает на первый план.

Противоположение фонем по двум признакам не означает обязательного одновременного использования обоих признаков. Их фонологическая значимость определяется фонетическим положением: в одном положении один из признаков является доминантным, в другом — другой.

Отношение двух других кратких гласных *i* и *u* к своим долгим парам в общем аналогично отношению *a*—*ā*: в открытых слогах фонемы *u*—*ū* и *i*—*ī* противопоставляются количеством, в закрытых же слогах (перед смычными, а особенно перед сонантами *l*, *n*, *r*), а также в исходе слова существенным становится качественное различие: оба кратких расширяются до «е»- и «о»-образного звучания: «*dīle*» 'некое сердце', но «*dēl*» 'сердце' (фонологически *dīlē*, *dil*); «*girīn*» 'я возьму', но «*bger*» 'возьми' (фонологически *girīn*, *bgir*); «*šūtōn*» 'я ушел', но «*šōt*» 'он ушел' (фонологически *šūtun*, *šut*). В слоге, закрытом двумя согласными, оба краткие гласные расширяются даже перед щелевыми: «*nīštōn*» 'я сел', но «*nēšt*» 'он сел' (фонологически *nīštun*, *nīšt*); «*jīštōn*» 'я прыгнул', но «*jēšt*» 'он прыгнул' (фонологически *jīštun*, *jīst*), «*bguš*» 'скажи', но «*gōšt*» 'он сказал' (фонологически *bguš*, *gušt*). Наиболее широкий вариант обоих кратких возникает в слоге, закрытом двумя согласными перед сонантами *r*, *l*, *n*: «*ādēnk*» 'зеркало', «*mōrēnk*» 'муравей', фонологически *ādīnk*, *mōrīnk* и в безударном исходе слова: «*ke*» — союз подчинительный, «*be*» — предлог направления (фонологически: *kī*, *bī*).

Однако выявление кратких *i* и *u* по сравнению с кратким *a* имеет одно существенное отличие, которое заключается в следующем. Краткое *a* противопоставляется одной фонеме — *ā*. Продвигаясь вперед в закрытых слогах, оно не может качественно совпасть с другой фонемой, поскольку ближайшая к *a* фонема *ē* далеко отстоит от него на лестнице подъема. В случае же с краткими *u* и *i* их расширение в закрытых слогах ведет к качественному совпадению с близкими им по степени подъема узкими фонемами *ē* и *ō*. А поскольку в закрытых слогах долгие сокращаются, то для *u* и *i* в этом положении нужна особая краткость, чтобы фонемы не совпали: «*ādēnk*» 'зеркало' и «*prēnt*» 'он бросил' (фонологически: *ādīnk*, *prēnt*); «*gōšt*» 'он сказал' и «*gošt*» 'мясо' (фонологически: *gušt*, *gōšt*). Таким образом, в отличие от *a*, краткие *i* и *u* противопоставляются каждая двум фонемам: *i* — фонемам *ī* и *ē*, *u* — фонемам *ū* и *ō*. Поэтому в любом фонетическом положении качественный признак оказывается недостаточным для отличия фонем *i* и *u* от обеих их долгих пар, благодаря чему их краткость приобретает большее значение. В результате этого *i* и *u* характеризуются большей краткостью по сравнению с *a*. Гласный *i* может даже, сокращаясь в быстрой речи, терять свое переднее качество и приобретать некоторую качественную неопределенность (движение к смешанному ряду): «*zardē_k*» 'морковь'.

Что касается фонем $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{u}$, $\bar{o}$, то с качественной стороны они значительно устойчивее и дают преимущественно лишь количественные варианты, сокращаясь в закрытых слогах и в исходе слова. Фонемы $\bar{e}$ и $\bar{o}$ узкого образования колеблются между 3-й и 2-й ступенями подъема. Вследствие этого $\bar{e}$ может чрезвычайно сближаться с $\bar{i}$, а $\bar{o}$ с $\bar{u}$: «с̄ē/ṣ̄» 'что' (фонологически с̄ē), «с̄ē/ṣ̄» 'этот' (фонологически ē); «jō/ṣ̄da kanīn» 'я приготавливаю' (фонологически jōda kanīn).

В результате можно суммарно изобразить соотношение белуджских фонем следующим образом.

Краткое *a*. Противопоставляется долгову $\bar{a}$. Противоположение идет по количеству в открытых слогах («a— $\bar{a}$ ») и по качеству в закрытых слогах и в исходе слова («a— $\bar{a}$ »).

Краткий переднего ряда *i/e*. Противопоставляется долгим фонемам $\bar{i}$ и $\bar{e}$. В открытых слогах противоположение с фонемой $\bar{i}$ идет по количеству («i— $\bar{i}$ »), с фонемой $\bar{e}$ по качеству и количеству («i— $\bar{e}$ »). В закрытых слогах противоположение с фонемой $\bar{i}$ идет по качеству и количеству («e— $\bar{i}$ »), с фонемой $\bar{e}$ по количеству («e— $\bar{e}$ »).

Краткий заднего ряда *u/o*. Противопоставляется долгим $\bar{u}$ и $\bar{o}$ аналогично противоположению фонемы *i/e* своим парам.

Таким образом изображение в настоящей статье обеих кратких фонем буквами *i* и *u*, а не *e* и *o*, диктуется лишь необходимостью выбора и традицией.

Приведенный краткий анализ качественных и количественных взаимоотношений в белуджском вокализме уже дает во многом ключ к пониманию различных путей и способов эволюции восьмифонемного вокализма в шестифонемный (таджикский и персидский, например). Белуджский вокализм с его системой использования признака качества и количества гласных представляет собою такое состояние, с которого одинаково легко мог развиваться как вокализм, в котором на первый план выступило качественное противоположение гласных при слиянии долгих и кратких в одну фонему (таджикский язык), так и вокализм с сохранением в нем долгих и кратких гласных при качественном расхождении кратких с долгими парами и при слиянии друг с другом качественно близких долгих фонем: $\bar{e}$ и $\bar{i}$ > $\bar{i}$, $\bar{o}$ и $\bar{u}$ > $\bar{u}$ (персидский язык). Белуджская система вокализма, таким образом, в ряде случаев может служить опорой для понимания фактов схождения и расхождения в вокализме современных иранских языков.

В области консонантизма собранные материалы могут дать дополнения к описанию фонем и их вариантов, что будет сделано при более полном описании фонетики белуджского языка. Необходимое же представление о консонантизме дает предисловие ко 2-й части „Белуджских сказок“ И. И. Зарубина (Л. 1949, изд. АН).

КУРДСКИЙ ЯЗЫК

Курдский язык Туркмении в литературе мало известен. Опубликована лишь одна работа по курдам Хорасана,¹ принадлежащим к той же языковой группе, что и курды Туркмении. Эта работа, хотя и включает в себя фонетический очерк, удовлетворительного представления о фонетике все же не дает, так как автор ограничивается лишь фиксацией и кратким описанием звуков, выделенных им в потоке речи, без фонологического подхода к ним. Что касается материалов, собранных И. О. Цукерманом и О. Л. Вильчевским по курдам Туркмении, то они еще не опубликованы. Поэтому первой задачей явилось установление состава фонем. Как отправной пункт при работе, главным образом использовался язык курдов Армении, поскольку он более изучен и материалы по нему более доступны.

Сбор материалов проводился в Ашхабаде в октябре 1947 г. В июне 1948 г. была предпринята вторичная кратковременная поездка в Ашхабад для проверки и дополнения собранного материала. Осведомителями были курды — студенты пединститута и медшколы, жители поселка Ванновское близ Фирузы. При работе применялся кимограф и искусственное небо.

Вокализм

Вокализм курдского языка Туркмении насчитывает 9 фонем: *i, e, ǐ, a, o, ǐ̄, u, ǒ, y*. Эти девять фонем делятся на две группы. В одну группу входят фонемы *ǐ* и *ǒ*, в другую — фонемы *i, e, a, o, ǐ̄, u, y*. Фонемы *ǐ* и *ǒ* противопоставляются остальным фонемам своей редуцированностью — как количественной, так и качественной. В неударенном открытом слоге они могут исчезать вовсе, особенно *ǐ*, роль которого во многих случаях сводится лишь к слогаобразующей функции. Фонема *ǐ* соответствует краткому белуджскому *i*, иногда краткому *a* и в отдельных случаях краткому *u*. Фонема *ǒ* соответствует краткому *u* и в редких случаях — краткому *i*.

Примеры:

Для *ǐ*:
dǐl — сердце
mǐn — косв. пад.
 мест. 1-го лица
loǐm — нужный
xǐrs — медведь
lǐ — нога
bǐǐn — коза
dǐz — вор
pǐšt — спина
xonǐ — дом

Для *ǒ*:
gǒl — цветок
gǒr — волк
gǒno — вина
ǐǒft — пара
hǒkm — приказ
dǒsman — враг
dǒ — два
sǒr — тайна

¹ Notes on Khorasani Kurdish. By W. Ivanov. Journ. and Proc. As. Soc. of Bengal, Vol. XXIII, 1927, № 1.

Фонема *ǝ* — краткий или редуцированный неогубленный гласный, образуемый в пределах переднего и смешанного ряда. Гласный *ǝ̄* — краткий огубленный гласный, образуемый в пределах заднего и смешанного ряда. Диапазон по подъему для обеих фонем очень широк, особенно для *ǝ* (от 2-го снизу до верхнего). Основной тип звучания *ǝ* — смешанный, продвинутый вперед от 3-го до 4-го подъема. Наиболее отчетливо качество *ǝ* выявляется под ударением в односложных словах и в исходе слова, где его можно определить как краткое открытое «*е*», отодвинутое назад «*дѐ*» «*сердце*»; «*хонѐ*» «*дом*». В слогах, закрытых двумя согласными, в соседстве с заднеязычными и увулярными согласными, в двусложных словах и во всех неударенных положениях *ǝ* обычно бывает смешанного ряда, более высокого подъема и очень кратким: *xǝrs* «медведь»; *loǝrt* «нужный», *bǝzǝn* «коза», *pǝšt* «спина». Крайняя степень редукции *ǝ* возникает в неударенном открытом слоге, где *ǝ* может исчезать вовсе, особенно перед сонантами: *kros* || *kǝros* «рубашка», *gzer* || *gǝzer* «морковь». Верхний передний вариант «*и*» возникает в положении *ǝ* перед *y*: «*sǝyog*» «всадник», «*dǝyob mǝn*» «моя мать». Здесь *ǝ* тоже может легко исчезать, оставляя за собой сильную палатализацию предшествующей согласной.

Для фонемы *ǝ̄* наиболее характерен подъем на 4-ой ступени (закрытое «*ѐ*»). Она более устойчива, чем фонема *ǝ*, и подвергается полному сокращению значительно реже. В ряде случаев *ǝ̄* может продвигаться вперед до смешанного ряда (обычно в закрытых слогах и индивидуально): «*stǝ̄r*» «шея»; «*sǝ̄r*» «тайна». Таким образом, в ряде случаев единственным звуко-разделом между фонемами *ǝ* и *ǝ̄* является признак огубленности. Отсюда возможной становится при потере фонемой *ǝ̄* огубленности контаминация обеих фонем, чем могут быть объяснены нередкие случаи соответствия фонемы *ǝ̄* краткому *и*: *pǝšt* «спина», *dǝz* «вор», *bǝlbǝl* «соловей», *mǝlk* «имущество».

Остальные семь фонем характеризуются своей как качественной, так и количественной устойчивостью во всех фонетических положениях, за исключением безударного исхода слова, где гласные этой группы могут заметно сокращаться и несколько терять свою качественную определенность. Эти устойчивые гласные закономерно соответствуют белуджским долгим гласным, за исключением фонемы *a*, соответствующей белуджскому краткому *a*, и фонемы *y*, являющейся новообразованием курдов Туркмении.

Объединение *a* с группой устойчивых (|| бел. долгих) может быть объяснено следующим образом. В белуджском вокализме мы видели, что для фонемы *i* и *u* характерна большая краткость, чем для фонемы *a*. Это объяснялось тем фактом, что для белуджских *i* и *u*, поскольку они противопоставляются одновременно двум фонемам, краткость является обязательным признаком для любого фонетического положения. Это сокращение *i* и *u* получило в курдском дальнейшее развитие, — постоянная и большая по сравнению с *a* краткость *i* и *u* привела к их редукции. Фонема же *a*, избежав редукции, тем самым попала в курдском языке в группу исторически долгих

гласных, характеризующихся для современного состояния курдского языка не долготой, а количественной устойчивостью, в противоположение редуцирующимся *î* и *ô*.

Таким образом, количественное противоположение в курдском языке не исчезло, но приняло иной вид: оно идет не по линии „долготы — краткости“, а по линии „редуцируемости — нередуцируемости“.

С качественной стороны фонемы *i*, *e*, *a*, *o*, *î*, *u* могут быть охарактеризованы следующим образом.

Фонема *i* — верхнего подъема переднего ряда — устойчива в своем качестве: *şir* ‘молоко’, *pir* ‘старый’, *pîna* ‘заплата’, *îsol* ‘в этом году’. В закрытых слогах между смычными, а также в соседстве с увулярными и после *r* может несколько расширяться: *«dîk»* ‘петух’, *«dîŋgî»* ‘прямо’.

Фонема *e* — переднего ряда, 3-го подъема сверху (закрытое «е»). В исходе слова, особенно под ударением, может несколько расширяться: *«me»* ‘овца’, *«se»* ‘три’. В закрытых слогах, напротив, фонема *e* сужается: *«şer»* ‘лев’, *«hev»* ‘луна’, *«be»* ‘лопата’, *«sev»* ‘яблоко’. Индивидуально и в зависимости от стиля речи *e* в закрытых слогах может сужаться настолько, что его на русский слух можно смешать с *i*: *«şir, hî»*. Повидимому, возможна контаминация обеих фонем в этом положении, так как существуют такие дублеты, как *k'er* || *k'ir* — косв. пад. от *k'or* ‘работа’. В открытых слогах такого сильного сужения *e* не происходит, даже при быстром темпе речи; *e* в словах: *evor* ‘вечер’, *mezî* ‘мозг’, *şeron* ‘львы’, *k'or daké* ‘работает’ всегда сохраняет свое качество.

Фонема *a* — гласный нижнего подъема, по преимуществу нейтрального (смешанного) ряда. В зависимости от окружающих согласных может продвигаться вперед и назад, но незначительно: рядом с увулярными и заднеязычными он более задний, рядом с согласными со среднеязычной артикуляцией — более передний: *«k'ar»* ‘осел’, *«qa_rpuz»* ‘арбуз’, *«za»* предлог исхода; *«şa_ş»* ‘шесть’, *«az k'or daka_y»* ‘я работаю’. Фонема *a* отличается своим качеством от соответствующей фонемы курдского языка Армении, являющейся передней гласной, типа «æ».

Фонема *o* — огубленный гласный заднего ряда, открытого типа. Равен по подъему русскому *o*, но отличается от него отсутствием дифтонгоидности. Устойчив в своем качестве, за исключением положения в безударном исходе, где он может, сокращаясь, терять напряженность и сближаться на слух с фонемой *ô*. Отличается своим качеством от соответствующей фонемы языка курдов Армении, являющейся слегка огубленным гласным заднего ряда нижнего подъема («a»). Примеры: *ov* ‘вода’, *rost* ‘правда’, *hazor* ‘тысяча’, *xonî* ‘дом’.

Фонемы *î* и *u* — огубленные гласные заднего ряда, *u* — верхнего подъема, *î* занимает промежуточное положение между *o* и *u*, но ближе к последнему; артикулируется между 3-м и 2-м подъемом сверху, обычно ближе ко 2-му подъему, так что на русский слух напоминает скорее *y*,

чем о. Таким образом, курдское *î* несколько уже соответствующего белуджского *ô*. Примеры: *t'îp* 'пушка', *šîr* 'соленый', *gî* 'он сказал', *kîna* 'старый'.

Фонема *у* — новообразование языка курдов Туркмении. Является огубленным гласным, артикулируемым в пределах переднего и смешанного ряда. По степени подъема колеблется между верхним и 2-м сверху подъемом. Обычно дифтонгоиден: от «*у*» к «*и*» («*у¹*») Примеры: *xun* 'кровь', *šur* 'сабля', *kur* 'слепой', *kun* 'палатка', *guz* — 'орех', *ruvi* — 'лиса', *surk* — 'сыпь'.

Возникновение фонемы *у* объясняется, повидимому, влиянием туркменского языка, имеющего в своем составе фонему *ū*, с которой курдское *у* совершенно совпадает по качеству.

Консонантизм

В области консонантизма можно отметить следующие наиболее существенные моменты.

Глухие смычные делятся на две группы: простые и придыхательные — *p, t, k, č* и *p', t', k', č'*. Простые представляют собою глухой согласный со звонким взрывом. Придыхательные не всегда имеют придыхание, оно может заменяться аффрикацией, особенно для *k* («*kʰ*»). Главным разделом между согласными *p, t, k, č* и *p', t', k', č'* является звонкий взрыв у первых и глухой — у вторых. Придыхательность *p', t', k', č'* является, таким образом, лишь наиболее характерной, но не единственной реализацией глухого взрыва. Фонемы *p, t, k, č* в исходе слова имеют глухой взрыв, поэтому в этом положении противоположения обеих групп смычных глухих не наблюдается.

Противоположение *č'* и *č* по признаку „придыхательности — непридыхательности“ отличается от противоположения соответствующих фонем у курдов Армении, где *č*, повидимому, является фарингализованным («*č̠*»), и противоположение идет по линии „фарингализованный — нефарингализованный“. Однако окончательно для курдов Армении этот вопрос не выяснен.

Примеры на противоположение простых и придыхательных: *čarm* 'кожа' и *č'and* 'сколько'; *kar* 'глухой' и *k'ar* 'осел'; *kol* 'старик' и *k'ol* 'дыня'; *tir* 'стрела' и *t'ir* 'столб'; *p'ina* 'заплата' и *pir* 'старый'.

Фонема *w* — губо-губной плоско-щелевой сонант («*β*»), противоположающийся губозубному *v*, отличается от соответствующей фонемы языка курдов Армении, которая является кругло-щелевой («*w*»). Примеры: «*jeβ*» 'карман', «*βaxt*» 'время', «*βi*» 'он'; «*liβi*» 'фасоль'.

Фонема *η* — заднеязычный носовой является новообразованием курдов Туркмении, в ряде случаев этимологически соответствует сочетанию *nd*. Возникновение этой фонемы может объясняться влиянием туркменского языка. Примеры: *siη* 'грудь'; *moηa* 'корова', *x^oaηā t^on* 'моя сестра'.

Огубленное x^o следует рассматривать как фонему, так как оно встречается перед разными гласными и в тех же фонетических положениях, что и x : $x^o a$ 'сестра' и $xalos$ 'свободный'; $x^o e$ — косв. пад. от $x^o a$ и xer 'добро'; $x^o b$ 'пот' и $x\ddot{y}rog$ 'кушанье', x^o не встречается перед i , так как такое сочетание дает фонему y .

Фонологическое различие двух r (r и rr), характерных для языка курдов Армении,¹ у туркменских курдов является, повидимому, лишь вариантным. В положении перед гласным r — ударное (обычно два удара), в положении перед согласными или в исходе слова — щелевое. Случаев, где оба звука находились бы в одном и том же фонетическом положении, не засвидетельствовано.

Из согласных фонем, наличествующих у курдов Армении, у курдов Туркмении не представлена фонема h — верхнефарингальный глухой щелевой. У курдов Туркмении вообще отсутствует верхнефарингальная артикуляция, которая характерна для курдов Армении и создает там, повидимому, фарингализованное a (« a_e ») по выпадении этимологического e .

Таким образом, суммировать расхождение языка курдов Туркмении и Армении в консонантизме можно следующим образом.

Курды Туркмении:

- 1) w — губо-губной плоскощелевой сонант (« β »).
- 2) Наличие фонемы η
- 3) Отсутствие фонемы h
- 4) Различие r и rr является вариантным
- 5) Противоположение фонем $\acute{e}$ и $\acute{e}$ идет по признаку „придыхательности — непридыхательности“.

Курды Армении:

- w — губо-губной круглощелевой сонант (« w »).
- Отсутствие фонемы η
- Наличие фонемы h
- Различие « g » и « gg » является фонологичным
- Противоположение фонем $\acute{e}$ и $\acute{e}$ идет по признаку „фарингализованности — нефарингализованности“ (предположительно).

ТАЛЫШСКИЙ ЯЗЫК

Последние и наиболее полные сведения по фонетике талышского языка изложены в предисловии „Талышских текстов“ Б. В. Миллера, изданных в 1930 г. В вокализме Б. В. Миллер выделяет и описывает 10 наиболее типичных гласных: a , $\acute{a}$, $\ddot{a}$, i , $\acute{i}$, e , $\ddot{e}$, o , $\ddot{o}$, u , давая предположительное заключение о их фонологичности. Как фонемы выделяются следующие гласные: a , $\acute{i}$, $\acute{i}$, $\ddot{e}$, o . Относительно e прямо не указано, следует ли считать его фонемой. Остальные звучания рассматриваются как варианты фонем.

¹ Фонетическая характеристика r и rr курдов Армении не совсем ясна. Обычно их определяют как одноударное (r) и раскатистое (rr). Однако сравнение с r туркменских курдов, а также личные наблюдения дают основание определить r как щелевое, а rr — как ударное.

Рассматривая количественную сторону гласных, Б. В. Миллер приходит к выводу о нефонологичности для талышского языка долготы и краткости гласных.

В консонантизме дано перечисление фонем и их краткое описание.

Таким образом создается известное представление о талышской фонетике, однако на некоторые неясности (главным образом в вокализме) указывает сам автор. Во-первых, состав фонем устанавливается предположительно, во-вторых, не всегда ясно, вариантом какой фонемы является данный гласный (*и* и *õ*, например). Поэтому основной задачей исследования явилось более точное установление состава фонем и затем более детальное их описание.

Работа проводилась в г. Ленкорани в мае 1948 г. К работе привлекались в качестве осведомителей школьники и студенты Ленкоранского педучилища из трех районов: Ленкоранского, Астаринского и Зувандского. Сравнение показало, что большого расхождения в фонетике по говорам не наблюдается, есть лишь незначительные расхождения в звучании фонем и в некоторых случаях иное их словарное распределение.

Все талыши пользуются азербайджанским языком. Степень владения им различна по районам. Для талышей Ленкоранского района, близко и тесно соприкасающихся с азербайджанцами, можно говорить уже о полном двуязычии. Поэтому говор Ленкоранского района более подвержен влиянию азербайджанского языка, чем южный Астаринский и западный (горный) Зувандский районы.

Вокализм

Талышский вокализм насчитывает семь фонем: *i*, *e*, *a*, *ä*, *o*, *u*, *ɜ*.

Фонема *ɜ* — редуцирующаяся неогубленная гласная с очень широким диапазоном. По признаку ряда колеблется от заднего до смешанного, продвинутого вперед (или переднего, продвинутого назад). По подъему колеблется между 2-м подъемом сверху и 2-м снизу, т. е. охватывает четыре ступени подъема. Из целой шкалы звуков, составляющих эту фонему, можно выделить следующие варианты: 1) Вариант «*ъ*». Неогубленный гласный заднего ряда 2-го подъема сверху. Характерен для ударенных слогов с губными и заднеязычными смычными «*bʲgrz*» ‘рис’, «*ʲtm*» ‘этот’, «*bʲz*» ‘коза’, «*kʲtʲ*» ‘кот’, «*tʲ*» ‘ты’, «*mtʲ*» ‘мы’. 2) Вариант «*и*» или «*ь*», передне-смешанного ряда, такого же, как «*ъ*», подъема. Встречается в соседстве с переднеязычными щелевыми: «*ʃi-mʲa*» ‘вы’; «*zʲpé*» ‘знать’; «*sʲ*» ‘красный’. 3) Вариант «*э*» или «*э̣*», передне-смешанного ряда, более открытый чем «*ь*». Встречается в соседстве с переднеязычными смычными в закрытых слогах и в исходе слова: «*ʃɛl*» ‘сорок’, «*dɛl*» ‘сердце’, «*dɛ-n*» два. 4) Вариант «*я*» или «*ä*», смешанно-заднего ряда, открытого типа. Под ударением встречается в слогах, закрытых двумя согласными в соседстве со смычными: «*bʲlɛnd* || *bʲlɛnd*» высокий. В неударенных слогах представляет дальнейшую степень редукции вариантов «*э*» и «*ь*»: *bɛlənd*.

daŋroz 'длинный'. Всегда очень краток. Возникает только в быстрой речи. 5) Крайне редуцированный вариант, представляющий собою неопределенный гласный призвук. Появляется в неполном стиле речи в неударенных открытых слогах: (g°laʊ) 'один', (b°lənd) 'высокий', (g°né) 'упал'. При дальнейшей редукции может исчезать совсем.

В быстрой речи фонема *ə* в соседстве с губными согласными или при наличии в слове огубленных гласных во всех своих вариантах может слегка огубляться, что дает впечатление краткого и слабого «о» или «ö»: (fʷ°lʷ°l) 'соловей', (vʷtʷ°ʃone) (они) 'сказали'. В полном стиле речи эта огубленность исчезает.

Своей чрезвычайной как качественной, так и количественной неустойчивостью, ненапряженностью, способностью к редукции и даже к полному исчезновению фонема *ə* противопоставляется всем остальным фонемам, которые имеют более узкий качественный диапазон и неспособны редуцироваться.

Фонема *ə* отражает в главной массе слов исторически краткие *и* и *і* (соответствует белуджским *і* и *и*, курдским *î* и *ö*): *vəl* 'цветок', *bəz* 'коза', *kəʒdə* 'убивать', *bəlbəl* 'соловей', *dəl* 'сердце', *ləng* 'нога', *čəl* 'сорок', *zəmzəstən* 'зима'. В некоторых случаях соответствует краткому *a*: *bələnd* 'высокий', *dəroz* 'длинный'. Таким образом в талышском языке видна дальнейшая ступень редукции исторически кратких *і* и *и* по сравнению с курдским: двум курдским редуцирующимся фонемам *î* и *ö* в талышском соответствует одна, но с очень широким диапазоном.

Остальные фонемы характеризуются следующим образом.

Фонемы *і* и *и*

Фонема *і* соответствует в основной массе слов историческим *î* и *ē*: *pî* 'старый', *šiša* 'стекло', *tîr* 'стрела', *sî* 'тридцать', *sî* 'сытый' *dîv* 'див' *dîm* 'лицо', *nîma* 'половина', *šin* 'сладкий'.

Диапазон *і* колеблется от «*i*» (верхний подъем) до «*ɪ*» (2-й подъем сверху). Последний вариант встречается после непалатализуемых смычных: «*dɪm*» 'лицо', «*tɪr*» 'стрела', «*nɪ*» отрицание 'нет'. Для других же случаев характерен узкий вариант: «*çi*» 'что', «*šin*» 'сладкий', «*liv*» 'лист', «*bibi*» 'тетка'. В неударенном открытом слоге перед *y* может заметно сокращаться: «*rɪʊoz*» 'лук', «*sɪʊa*» 'черный', «*žɪʊa*» 'веревка'. В остальных фонетических положениях сохраняет свою длительность.

Фонема *и* аналогично *і* исторически соответствует двум долгим: *î* и *ö*. Примеры: *bi* 'запах', *guʃ* 'ухо', *guʒd* 'мясо', *ku* 'слепой', *ruʒ* 'день', *zu* 'сила', *muʃ* 'мышь', *kavi* 'сизый', *xin* 'кровь', *pozid* 'горох', *tit* 'воск'. Фонетически представляет собою сильно огубленный гласный верхнего подъема (с возможным незначительным расширением). По признаку ряда имеет очень широкий диапазон: от заднего *и* до смешанного, продвинутого вперед, почти переднего, близкого к азербайджанскому *y*.

Эти колебания объясняются частью привычками говора, частью же фонетическими причинами. Для Ленкоранского *р*-на, ближе соприкасающегося с азербайджанцами, характерен сильно продвинутый вперед вариант («у») как основной. Для Астаринского *р*-на характерен лишь слегка продвинутый вперед вариант («и-»). Для Зувандского *р*-на характерен задний вариант («и»). В тех случаях, где зуvandское *и* продвигается вперед, всегда видны фонетические причины, — влияние переднеязычных и среднеязычных: «zu-» 'сила', «su-» 'палка', «tu-ž» 'день', но «ku» 'слепой', «fu» 'запах', «guš» 'ухо'. В Ленкоранском районе соответственно имеем: «zү, сү, гүž», но «ku-, bu-, gu-š».

Задний вариант («и»), как обязательный, возникает во всех говорах в соседстве с увулярными, а также при наличии в слове гласных заднего ряда: «kävü» 'зеленый'; «loku» 'рисовый хлеб'; «moxud» 'горох'; «ävšüm» 'шелк'; «ovšüm» 'луна'; «xup» 'кровь'; «xumog» имя собств.; «sobun» 'мыло'.

Со стороны количественной фонема *и* в общем устойчива; она может заметно сокращаться в неударенных закрытых слогах, особенно перед *г* и *л* («fүгпа» 'теленос'), но не редуцируется.

Фонемы *и* и *и*, помимо указанных соответствий, включают в себя также часть исторически кратких *и* и *и*. Примеры для *и*: *siyo* 'черный', *piyoz* 'лук', *kitob* 'книга', *zindon* 'тюрьма'. Примеры для *и*: *dum* 'хвост', *pił* 'деньги', *pir* 'полный'. Все эти случаи могут быть объяснены или фонетическим положением, или позднейшим заимствованием, однако о строгой закономерности соответствий говорить для талышского языка пока нельзя. Как уже указывалось, фонема *э* также в ряде случаев, помимо исторически кратких *и* и *и*, включила в себя и краткое *а*, а иногда даже некоторые долгие (*žné* 'знать'). Здесь мы встречаемся уже с расщеплением фонем, чему способствует в первую очередь потеря долгот. Подобное явление замечается и в курдском языке, однако в талышском оно выражено более резко, что особенно выявляется при рассмотрении следующих фонем.

Фонемы *а* и *ä*

Диапазон фонемы *а* колеблется от нейтрального «а» (как русское *а* между твердыми) до «æ» персидского типа. Основное звучание — гласный переднего ряда нижнего подъема («а») таджикского типа. Вариант «а» возникает, обычно, в соседстве с заднеязычными и увулярными: «ka» 'дом', «хаба» 'весть', «vaxt» 'время', а также под влиянием гласных заднего ряда: «yuvva» 'сила'; «roada» 'на дороге', «kašon» 'крылья', «katto» 'старости'. Противоположный, т. е. крайне передний вариант фонемы *а*, возникает в соседстве со среднеязычными: «olkæ» 'страна', «kærgælân» название селения, «kæñji» 'селянин', «sæу» 'взял', «æу» мест. 3-го лица.

Сильному сокращению фонема *а* не подвергается. Несколько сокращается в неударенных открытых слогах, но не редуцируется.

В основной массе слов фонема *a* соответствует исторически краткому *a*.

Диапазон фонемы *â* колеблется от неогубленного гласного заднего ряда нижнего подъема («a-») до огубленного гласного заднего ряда 2-го подъема («ə»), т. е. *o* более открытого, чем русское). В отдельных случаях (по говорам и индивидуально) фонема *â* может достигать 3-й ступени подъема, т. е. такой же ступени подъема, как русское *o*. Основной тип звучания — огубленный гласный между 1-й и 2-й ступенями подъема, типа персидского *â*.

С количественной стороны фонема *â* устойчива, заметного ее сокращения не наблюдается.

В основной массе слов соответствует историческому краткому *a*, как и фонема *a*. Примеры: *âz* 'я', *âlaf* 'травя', *dâst* 'степь', *gâm* 'жара', *hâft* 'семь'. Значительно реже соответствует долговому *ā*: *mânde* 'оставлять', *âsuda* 'спокойный', *bâhâr* 'весна', *kâsa* 'чашка', *γâz* 'гусь', *žmâ* 'вы', *hânde* 'читать'.

Противоположение фонем *â* и *a* несомненно; они встречаются в одних и тех же фонетических положениях: *bas* 'хватит' и *dâs* 'рука'; *dada* 'отец' и *bâbâ* 'дед'; *ašde* 'вставать' и *âsda* 'кость'; *atr* 'духи' и *âsp* 'лошадь', а кроме того можно найти и противопоставляющиеся пары: *sa* 'голова' и *sâ* 'сто'; *da* 'ущелье' и *dâ* 'десять'; *ka* 'дом' и *kâ* 'сделал'.

Таким образом, в талышском языке произошло расщепление краткого *a* на две фонемы: *a* и *â*. Фонема *â* фонетически очень близка персидскому *â*, отражающему исторически долгое *ā*, но словарно соответствует ему лишь в отдельных случаях.

Фонема *o*

Фонема *o*, отражающая в основной массе слов исторически долгое *ā*, противопоставляясь фонеме *â*, доходящей вариантно и индивидуально до открытого *o* («ə»), приобрела чрезвычайно узкое звучание. Диапазон *o* по подъему колеблется от 3-й до 2-й ступени подъема сверху. Наиболее узкое звучание *o* встречается в открытых слогах и на русский слух может восприниматься как *y*: «dam» 'человек', «taš» 'огонь'; «d» 'дерево'. В закрытых слогах *o* более открыто, особенно перед *r*: «ro» 'перо', а также в соседстве с увулярными: «po» 'горох'. В этих положениях *o* может заметно сокращаться: «rō», «pō».

Рядом со среднеязычными смычными (*k* и *g*) *o* значительно продвигается вперед, приближаясь к азербайджанскому *ə* («əba» имя собственное; «əbala» 'гриб'). Наличие этого варианта облегчает талышам сохранять в заимствованных азербайджанских словах азербайджанское *ə*. Так, те талыши, которые восприняли из азербайджанского языка слово «ət» 'жизнь', произносят его с передним *ə*, хотя фонетических причин для появления этого звука в данном слове нет. Таким образом, возникает

возможность, — при заимствовании большего числа азербайджанских слов с *e*, — расщепления фонемы *o* на две. Сейчас же в таких случаях можно говорить лишь об азербайджанской манере произношения.

Фонема *e*

Основное звучание — 3-я ступень подъема сверху (закрытое «е»). В исходе слова под ударением *e* может расширяться до степени «э»: «sɛ» 'три', «vɛ» 'много'. В закрытых неударенных слогах может сужаться: «dɛʃmɛn» 'враг'. В этом положении, а также в безударном исходе заметно сокращается при быстрой речи, не доходя однако до редукции: «dɛʃmɛn», «vɔtɛ» 'он сказал'. В полном стиле речи качество и отчетливость *e* восстанавливается. Фонема *e* самого разнообразного происхождения. В нескольких словах она отражает *ē*: *sef* 'яблоко', *vev* 'вдовый', *be* 'без', *tex* 'гвоздь' (но с параллельными *mɛx*). В некоторых случаях возникло из стяжения *aj*: *kek* 'блоха'. Во многих случаях соответствует исторически краткому *a*: *žen* 'жена', *merd* 'мужчина', *neɜ* 'близко', *netek* 'соль'.

Из изложенного видно, что талышский вокализм представляет один из вариантов той системы вокализма живых иранских языков, где противоположение по долготе и краткости сменилось противоположением по редуцируемости — нередуцируемости. При этом во всей системе вокализма произошли значительные сдвиги (расщепление фонем, новообразование, значительное изменение звукового облика фонем), благодаря чему в нем уже не так четко выявляется фонетическая общность с другими иранскими языками.

Консонантизм

К материалам по консонантизму, изложенным в «Талышских текстах» Б. В. Миллера, можно добавить следующее.

Смычные *b*, *d*, *g* являются полновзвонкими только в интервокальном положении. В начале слова и после глухих согласных они обычно полувзвонкие, — с глухим началом и даже с глухой выдержкой, но со звонким концом, отчего на русский слух воспринимаются часто как *n*, *m*, *ŋ*. Глухие смычные *p*, *t*, *k* являются придыхательными. Придыхательность наиболее сильна в начале слова, где она служит основным признаком, различающим пары *p—b*, *t—d*, *k—g*.

В положении после глухих щелевых (*t*, *s*, *ʃ*, *x*) фонемы *p*, *t*, *k* теряют придыхательность, и если дальше идет гласный, то они артикулируются со звонким взрывом. Получается глухой смычный со звонким взрывом, который и совпадает с соответствующей звонкой парой: *kɔʃdɔm* 'я убил', *ʃɔda* 'свой', *hɔʃgi* 'засуха', *dɔsda* 'рукоятка', *ɔngʃda* 'палец' (фонетически: «кʰɔʃdɔm, ʔɔda, hʔʃgi, dɔsda, ɔngʂda»).

Таким образом, противоположение согласных *b, d, g* и *p, t, k* основываются на двух моментах: „придыхательности—непридыхательности“ и „глухости—звонкости“. Первый признак выступает на первый план в начале слова и после глухих согласных, второй признак—в интервокальном положении.

Помимо заднеязычных смычных *k* и *g* отмечены среднеязычные *k* и *g* как самостоятельные фонемы: *tika* ‘кусок’, *Kiya* ‘гнедой’, *Kanji* ‘селянин’, *gobalay* ‘гриб’, *gami* ‘корабль’.

О том, что *k* и *g* являются самостоятельными фонемами, а не вариантами *k* и *g*, говорит наличие и тех и других звуков в одних и тех же фонетических положениях: *tika* ‘кусок’ и *ka* ‘дом’, *palanj* ‘тигр’ и *lɛng* ‘нога’, *gami* ‘корабль’ и *gate* ‘брат’, *Kina* ‘девушка’ и *kitob* ‘книга’, *Kiya* ‘гнедой’ и *ki* союз подчинительный. В Зуvandском р-не имеем противопологающуюся пару: *tika* ‘кусок’ и *tika(y)* ‘немного’.

Двухфокусные согласные *š, ž, č, j*—очень мягкие, артикулируются со вторым среднеязычным фокусом. Однако под влиянием гласных заднего ряда, а также заднеязычных и увулярных согласных, они становятся твердыми, т. е. второй фокус их образования становится заднеязычным. Так, имеем: «*žiya*» ‘веревка’, но «*žogo*» ‘так’; «*še*» ‘ушел’, но «*švšum*» ‘шелк’, «*či*» ‘что’, но «*šo*» ‘четыре’.

Звук, отмечаемого в „Талышских текстах“ знаком *q*, в талышском языке нет. Это—азербайджанский звук (глубоко заднеязычный или веларный смычный полузвонкий), употребляемый некоторыми талышами в азербайджанских словах. В талышском ему соответствует *ɣ* (увулярный звонкий щелевой).

ТАТСКИЙ ЯЗЫК

Татский язык известен в двух главных разновидностях: собственно татский (так называемый «мусульманско-татский») и еврейско-татский. Больше внимание исследователи уделяли еврейским говорам. Вс. Ф. Миллером исследовался говор евреев северной группы,¹ Б. В. Миллером—евреев южной группы.² Исследования Вс. Ф. Миллера по татам-мусульманам³ не дали достаточного представления о их языке, потому что объектом был выбран лахиджский говор, который, как выяснилось позже, „стоит несколько особняком от других (говоров) и иногда даже плохо понимается другими татами-мусульманами“.⁴ В 1928 г. Б. В. Миллером

¹ Вс. Ф. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь. СПб., 1892. Он же. Очерк фонетики еврейско-татского наречия. Тр. Лазар. инст. вост. яз. III. М., 1900. Он же. Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М., 1901. Тр. Лазар. инст. вост. яз., вып. VII. М., 1901.

² Б. В. Миллер. О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа. Изд. АН СССР, Л., 1932.

³ Вс. Ф. Миллер. Татские этюды. Часть 1. Тексты и татско-русский словарь. Тр. Лазар. инст. вост. яз., вып. XXIV. М., 1905. Он же. Татские этюды. Часть II. Опыт грамматики татского языка. Тр. Лазар. инст. вост. яз., вып. XXVI. М., 1907.

⁴ Б. В. Миллер. Таты, их расселение и говоры, стр. 26.

было проведено краткое обследование татских говоров Азербайджана, предварительные результаты которого были опубликованы в работе „Таты, их расселение и говоры“ (материалы и вопросы), Баку, 1929. Собранные же тексты были изданы значительно позже.¹ В текстах представлены: рустовский говор; говоры Апшерона (сураханский и балаханский), хизинский говор, кильварский говор, матрасинский говор, лахиджский говор. Объем текстов для каждого говора небольшой.

Система вокализма татского языка недостаточно четко вырисовывается из указанных работ. Оба исследователя не раз отмечали большую неустойчивость гласных звуков. Хотя Вс. Ф. Миллер дал специальное фонетическое описание, однако им все же описываются лишь звуки, а не фонемы. Б. В. Миллер свое понимание татского вокализма вложил в разработанную им транскрипцию, которая не обременена случайными и излишне многообразными вариантами звучаний. Однако его транскрипция все же не является целиком фонологической.

О составе консонатизма можно было иметь более удовлетворительное представление, но все же ряд вопросов, фонологически важных, оставался неясным (роль и степень палатализации заднеязычных смычных, употребление верхнефарингальных ε и h , характеристика и трактовка увулярного согласного, соответствующего арабск. ε и $ق$). Таким образом, основной задачей предпринятой поездки явилось установление состава фонем, а также их необходимая фонетическая характеристика, причем основное внимание было обращено на фонетику собственно татского языка, как менее изученную и более неустойчивую, по сравнению с еврейскими говорами.

Для татского языка Азербайджана характерна большая раздробленность по говорам с существенными расхождениями в области фонетики. Таты в настоящее время интенсивно ассимилируются с азербайджанцами. Родным языком они пользуются только в пределах своего селения, дети учатся в азербайджанских школах. Наиболее сильно азербайджанское влияние в промышленных районах (Апшеронский п-ов) и менее в районах сельскохозяйственных, где татские селения составляют более или менее компактную массу. Значительные колебания языковых норм наблюдались и внутри одного селения между старшим и младшим поколениями и между разными слоями населения по степени приобщения к азербайджанскому языку и культуре. Наиболее ярким примером такого скрещения языковых норм является нефтяной поселок Балаханы близ Баку.

Работа проводилась в июне 1948 г. в Баку, в поселке Балаханы, и в г. Кубе по балаханскому, сураханскому, дивчинскому и конагентскому говорам, а также по еврейским (шемахинскому и кубинскому). Так как последние заметно не отличаются друг от друга и достаточно

¹ Б. В. Миллер. Татские тексты. Сб. „Иранские языки“. М.—Л., 1945, стр. 107—126.

освещены в литературе (кубинский говор), то настоящая статья ограничивается кратким изложением результатов исследования по собственно татским говорам.

Вокализм

Основу татского вокализма, общую для всех исследовавшихся говоров, составляют следующие фонемы: *i*, *æ*, *ä*, *u*, *y*, *ei*, *ou*, *eu*.

Фонема *i* имеет широкий диапазон по подъему: от верхнего подъема («*diğæ*» 'другой', «*çi*» 'собрал') до «е». Последний вариант возникает в соседстве с увулярными, верхнефарингальными и звуком *r*, особенно в закрытом слоге: «*xεšk*» 'сухой' («*ε*elm» 'наука', «*gerext*» 'убежал'. Такое сильное расширение *i* характерно для апшеровских татов; в говорах К. и Д.¹ *i* расширяется меньше, но зато рядом с увулярными продвигается назад, напоминая на русский слух *y*: «*x1-šk*» 'сухой', «*x1-rrām*» 'я купил'.

В количественном отношении *i* весьма неустойчиво: оно может сокращаться в неударенных открытых слогах вплоть до редукции: *g'rix1* 'убежал'; *f1āp* 'такой-то'; *m1deim* 'мы дадим'; *b1ænd* 'высокий'; *k1tāb* 'книга'; *č1ræs* 'он собрал'.

Исторически фонема *i* в основной массе слов отражает фонемы *ī*, *ē* и краткое *i*: *šir* 'молоко', *çi* 'собрал', *xāis* 'желание', *gir* 'возьми', *sib* 'яблоко', *šir* 'лев', *čil* (Б.) 'сорок', *bist* 'двадцать', *biyā* 'приди'.

Фонема *æ* гласный переднего ряда с очень широким диапазоном по подъему: от нижнего «а» до закрытого «е». Основное звучание — «æ», более закрытое, чем персидское. Вариант «а» возникает в соседстве с увулярными согласными и гласными заднего ряда: «*xāštān*» (Б.) 'сам', «*čəməāt*» 'общество'. Вариант «е» возникает рядом со среднеязычными согласными и гласным *i* «*šeš*» (К. и Д.) 'шесть', «*keK*» 'блоха', «*fæ dyte1*» 'второму'.

Получается, что две фонемы *i* и *æ* дают одинаковый вариант «е». Поскольку этот вариант возникает в разных фонетических положениях (для *i* в соседстве с увулярными и фарингальными, для *æ* в соседстве со среднеязычными), то тем самым он уже приобретает известную независимость от фонетического положения. Такой автономизации звука «е» в сильной степени способствует влияние азербайджанского языка. Таты, вполне владея фонетической азербайджанской системой, заимствуют азербайджанские слова целиком в азербайджанском звучании: *gəzbel* 'горбун', *meša* 'лес' и др. В результате в татском языке имеются сильные предпосылки для расщепления фонем *i* и *æ* и возникновения новой фонемы *e*.

В количественном отношении *æ* более устойчиво, чем *i*: оно может сильно сокращаться в неударенных слогах, но не редуцируется.

¹ К. — конат-кентский говор, Д. — дивичинский, Б. — балаханский, С. — сураханский.

Исторически фонема *æ* в основной массе слов соответствует краткому *a*.

Фонема *ä* имеет широкий диапазон: от нейтрального «*a*» нижнего подъема, неогубленного: *tat* 'тат', *sal* 'год', *taft* 'он ушел', до заднего гласного 2-го, а иногда даже 3-го подъема со слабой огубленностью: *ra^o* 'нога', *ma^ou* 'мать', *ba^o* 'раз'. Степень подъема и огубленности, помимо влияния губных, колеблется по говорам: наиболее сильно и устойчиво огубление *ä* в благоприятных фонетических условиях в балаханском говоре: *ra*, *mau*, *ba*. А так как в балаханском говоре можно говорить о выделении фонемы *o*, то «*o*»-образный вариант *ä* сливается с нею, благодаря чему происходит расщепление фонемы *ä* на две.

В количественном отношении фонема *ä* устойчива: она не очень сильно сокращается в неударенных слогах и не редуцируется.

Исторически в основной массе слов она соответствует долгову *ā*. В ряде случаев включает в себя также краткое *a*: *raft* (Б.) 'он ушел', *ādām* 'человек', *āvard* 'принес'.

Фонема *u* — огубленный гласный заднего ряда, имеющий по подъему довольно широкий диапазон: он заметно расширяется рядом с увулярными и согласным *r*: *ru* 'лицо', *ruz* 'день', *ruḡ* 'полный', *xuḡ* 'кровь', *xuḡuz* 'петух', *xuḡ* 'свинья'. В балаханском говоре этот широкий вариант *u* слился с фонемой *o*, получив еще более широкое звучание: *roḡz*, *xuḡ*, *ro*, *roḡ*, *xoḡ/k* (фонологически *roḡ*, *xon*, *ro*, *por*, *xoḡ/k*). Таким образом, в балаханском говоре фонема *u* также расщепляется на две фонемы.

С количественной стороны *u*, аналогично *i*, весьма неустойчиво: в неударенных открытых слогах оно может сокращаться вплоть до редукции: *k^hti* (Б.) 'он сказал', *č^hraṇ* 'пастух', *d^hra* 'дым'.

Исторически фонема *u* в основной массе слов соответствует долгим *ū* и *ō*: *bu* 'запах', *dur* 'далеко', *dust* 'друг', *guš* 'ухо', *zu* 'сила'; *u* (Б.) 'он'; *xuṇ* (К. и Д.) 'кровь'; *kudu* 'тыква', *kāvu* 'зеленый'. В ряде случаев соответствует также краткому *u*: *gumān* 'мысль', *ruḡ* 'деньги', *ruḡ* (К. и Д.) 'полный'. *xudā* (К. и Д.) 'бог', *šumi* (Б.) 'вы'.

Фонема *y* — огубленный гласный, по признаку ряда колеблется от переднего до смешанного, продвинутого назад; по подъему от верхнего «*y*» до «*ø*» (закрытого типа). В неударенном положении всегда краток, мало напряжен, артикуляция вялая. Огубленность может сильно ослабляться, особенно в быстрой речи. Возможность утери огубленности фонемой *y*, с одной стороны, и возможность огубления фонемы *i*, с другой стороны (*i*, особенно неударенное, может в речи значительно ослабляться, а оттого легко подпадает под влияние соседних губных: *bi^hti^h* 'мы были'), приводит к контаминации этих фонем и различному распределению их по говорам. Так, в говоре Б. засвидетельствовано: *bilænd* 'высокий', *bæ dytæi* 'второму', а в говорах К. и Д.: *bylynd*, *bæ dutæy*.

Внутри говоров также наблюдается частое чередование и взаимозамена фонем *i* и *y*: *birim* 'мы были', но *bȳry* 'он был', где первый гласный меняется в зависимости от второго.

По говорам возможна также взаимозамена фонем *y* и *u*. Фонема *u* может быть слегка продвинута вперед («и-» 'он'), а фонема *y* может быть значительно отодвинута назад. При вялой артикуляции, характерной для обеих фонем в безударном положении, а также под влиянием благоприятных фонетических условий для продвижения *u* вперед обе фонемы могут смешиваться. В результате возникают дублеты, закрепившиеся по говорам. В говоре Б.: *šumi* 'вы', *u* 'он', *jur* 'способ', -*um* глаг. окончание 1-го лица ед. ч. (*āvārdum* 'я принес'), в говорах К. и Д. соответственно: *šumi* || *yšumi*, *y*, *jur*, *um* (*āvārdum*).

Вариант «ө» возникает рядом с фарингальными: «səhb» 'утро' «həkm» 'приказ', «səhbat» 'беседа'. В говоре Балаханы, аналогично рассмотренным случаям с вариантами фонем *ä* и *u*, этот широкий вариант обособляется от фонемы *y*, расширяясь еще более и совпадая по звучанию с азербайджанским ө: «səhb, həkm, səhbat». А поскольку для говора Балаханы можно говорить о выделении фонемы ө, то и в данном случае мы имеем дело с расщеплением одной фонемы на две.

Исторически фонема *y* в большинстве случаев соответствует краткому *u*: *gyl* 'цветок', *gȳrg* 'волк', *bȳ* 'был', *dȳm* 'хвост', *dȳ* 'два', *tȳ* 'ты'. О частых случаях взаимозамены фонем *y*, *i* и *u* уже говорилось.

Фонемы *ei*, *ou*, *eu* — нисходящие дифтонги, являются новообразованием татского языка. Первый дифтонг исторически соответствует сочетанию *ay*, второй — сочетанию *äv*, третий — сочетанию *av*. Примеры для *ei*: *mei* 'вино', *meimu* 'обезьяна'; *peida* 'видимый'. На татской почве *ei* возникло из сочетания *ä + i*: *bäeind* < *bäiind* 'дайте', *deim* < *däim* 'мы дадим', *biyeind* < *biyäind* 'приходите'. Примеры для *ou*: *ou* 'вода', *xou* 'сон', *gou* 'корова', *joustæn* 'грызть'; для *eu*: *dœu* 'беги', *jœu* 'ячмень', *šœu* 'ночь' *nœuš* 'напиши'. На татской почве возникло из сочетания *ä + y*: *biyœu* < *biyäu* 'пусть он придет', *biyœynd* < *biyäynd* 'пусть они придут' *brœu* < *bräu* 'пусть он пойдет', *brœynd* < *bräynd* 'пусть они пойдут' и т. д.

То, что дифтонги *ei*, *ou*, *eu* являются фонемами, а не сочетанием двух фонем, доказывается их неразложимостью. Так, рядом с *jou* 'грызи', *xou* 'попроси', *dœu* 'беги' имеется: *jou-im* 'мы грызем', *xou-im* 'мы желаем', *dœu-im* 'мы побежим', со слогоделением перед *i*. Отсюда ясно, что второй компонент дифтонга неотделим. О слитности дифтонгов говорит также максимальное фонетическое уподобление друг другу составляющих компонентов и сильное их фонетическое расхождение с фонемами, из которых они возникли: (*ei* < «æy» и «äi»: «ou» < «äv»; «eu» < «æy» и «äy»). Фонетические изменения дифтонгов в потоке речи

также убеждают в фонологическом единстве их компонентов, которое в конечном счете ведет к монофтонгизации дифтонгов. Варианты «ei, ou, eu» встречаются только в полном стиле речи в исходе слова и в середине слова перед согласными. Перед гласными же, а в обычной речи и во всех фонетических положениях, второй элемент дифтонга ослабляется, и дифтонг превращается в соответствующий дифтонгоид: «o» 'вода', «noʃʃ» 'напиши', и т. д. При более быстрой речи дифтонгоидный элемент может исчезать вовсе: «o» 'вода', «noʃʃ» 'напиши'. Для более употребительных слов такое произношение распространяется и на полный стиль речи, в результате чего в говоре возникает параллельное произношение «o || ou, noʃʃ || noʃʃʃ». В балаханском говоре, где наличествуют фонемы *o* и *ə*, эти варианты втягиваются в их сферу, и происходит расщепление фонемы, так что для балаханского говора в случаях с *o* || — *ou, noʃʃ || noʃʃʃ* следует говорить уже не о производных вариантах одной фонемы, а о дублетном использовании двух разных фонем.

Фонемы *o* и *ə* в балаханском говоре

В балаханском говоре, наиболее подверженном азербайджанскому влиянию, в отличие от других говоров возникли фонемы *o* и *ə*. Предпосылки и процесс их возникновения уже должны быть видны из предшествующего изложения. Именно: фонетически близкие или тождественные варианты разных фонем, возникая в разных фонетических положениях, получают тем самым известную независимость от фонетического положения. Благодаря своему звуковому сходству с той или иной фонемой азербайджанского языка они отождествляются с ней и, отделяясь от своих прежних фонем, объединяются фонологически между собою.

В случае с «e» мы видели только зародыш новой фонемы, распространяющейся на татские слова лишь у отдельных представителей говора, наиболее подверженных влиянию азербайджанского языка. В случае с *o* мы имеем уже сформировавшуюся фонему для всего говора в целом; колеблются по отдельным группам населения лишь пределы ее словарного распространения.

Первый случай возникновения *o* дает фонема *u* в соседстве с велярными и сонантом *r*: *xon* 'кровь', *xok* 'свинья', *roz* 'день', *ro* 'лицо', *xoroz* 'петух'. Уже один факт обильного заимствования азербайджанских слов с сохранением в них азербайджанской фонемы *o* (*gozbel* 'горбун', *sol* 'левый' и др.) достаточен для того, чтобы широкий вариант *u* попал в ее сферу.

Однако выделению *o* как фонемы способствовал также и свой, внутриязыковой фактор. Звук «o» возникает из фонемы *ou* как ее вариант. Характерный сначала для быстрой речи, он в наиболее благоприятных фонетических положениях, а также в наиболее употребительных словах распространяется и на полный стиль речи, получая тем самым некоторую автономность и сближаясь — сначала по звучанию, а затем и фонологи-

чески — с широким вариантом фонемы *и*. Влияние азербайджанского языка явилось здесь внешним толчком, который дал этим предпосылкам полностью осуществиться.

Третий случай возникновения звука «о» дает фонема *а*. Как уже говорилось при ее описании, фонема *а* может быть весьма закрытой, и, закономерно получая рядом с губными огубленность, она превращается в открытое *о* («э»). При том положении, когда в языке уже имеется фонема *о*, этот огубленный вариант фонемы *а* сливается с ней: *ро* < *рă* 'нога', *моу* < *тăу* 'мать'.

То, что *о* действительно выделилось уже как фонема, показывают такие противоположения, как *го* 'лицо' и *zæfri* 'вниз', *por* 'полный' и *dur* 'далеко', где *о* и *и* находятся в одинаковом фонетическом положении и не допускают взаимозамены.

Фонема *ө* аналогичным путем возникает из вариантов двух фонем: широкого варианта *у* перед фарингальными: *çəktm* 'приказ', *sehb* 'утро' и из фонемы *өу* при ее монофтонгизации: *«də* 'беги', *«peš* 'напиши'. То, что *ө* выделилось как фонема, показывает следующий факт. В слове *kəhna* 'старый' звук *h*, явившийся причиной возникновения *ө*, будучи слабым, выпал вовсе, *ө* же по выпадении *h* сохранилось: *kəna*. Следовательно, оно уже приобрело независимость от фонетического положения (в других говорах это слово звучит как *kühnä*).

Таким образом, в балаханском говоре вокализм состоит из 10 фонем: *i*, *æ*, *ä*, *и*, *у*, *о*, *ө*, *ei*, *ou* *өу*.

Эта система вокализма характерна для старшего и среднего поколения. Для подрастающего же поколения монофтонгизация *ou* и *өу* осуществилась полностью, и они целиком слились с фонемами *о* и *ө*. В результате для младшего поколения имеем 8 фонем: *i*, *æ*, *ä*, *и*, *у*, *о*, *ө*, *ei*, т. е. систему, уже основательно перестроенную на азербайджанский лад.

Как можно видеть, расхождение татского вокализма с другими иранскими языками выражено еще сильнее, чем в талышском: шесть исторических фонем *ī*, *ē*, *i*, *ā*, *ō*, *u* отражены здесь лишь в трех фонемах *i*, *и*, *у*, причем в соответствиях наблюдаются постоянные перебои, объясняемые следующими причинами: 1) близостью их артикуляции, 2) способностью к сильному сокращению, 3) отсутствием между ними количественного различия. Значительно меняют также систему вокализма татские новообразования: дифтонги с их дальнейшей монофтонгизацией и появлением новых фонем *о* и *ө*.

Со стороны количественной татский вокализм тоже, повидимому, вовсе потерял фонологичность этого признака. В татском языке только одна фонема *ä* соответствует исторически долгой гласной — *ā* (но даже и эта фонема включает в себя ряд исторически кратких *a*). Остальные фонемы либо целиком соответствуют исторически кратким (фонемы *æ*, *у*), либо включают в себя краткие (фонемы *i*, *и*). Поэтому все фонемы, за исключением *ä* и дифтонгов, являются количественно неустойчивыми, сильно сокращающимися в неударенных позициях (*i*, *и*, *у* при этом сокра-

щаются сильнее, чем æ). Фонема *ä* тоже не выделяется своей длительностью, но она несколько менее подвержена сокращению в неударенных слогах.¹

Консонантизм

По существенным вопросам татского консонантизма, недостаточно освещенным в литературе, можно добавить следующее.

Фонемы *ɛ* и *h* сохранились по всем говорам, — в говорах Д. и К. в большей степени, чем в говорах Б. и С. Обе фонемы вытесняются из языка: во всех случаях допускается замена *h* фонемой *h*; *ɛ* во всех случаях может исчезать: *sææt* 'час', *ǰætǰæt* 'общество', *ilm* 'наука', *næælbæki* 'блюдечко'. Младшим поколением в говоре Балаханы *ɛ* и *h* уже вовсе не употребляются. В общем выявление *ɛ* и *h* аналогично выявлению их в таджикских говорах, однако возможной в таджикском языке замены *ɛ* фонемой *h* здесь не встречено. *ɛ* в татском языке является смычным, но не сильным, могущим спирантиться в быстрой речи.

Фонемы *g* и *k* складываются из двух равноправных вариантов: заднеязычных смычных «g» и «k» и среднеязычных смычных «ǰ» и «ǰ». Первый вариант встречается перед гласными заднего ряда в начале слога и после гласных заднего ряда в конце слога. Примеры для фонемы *g*: «guš» 'ухо', «gug» 'могила', «ǰǰ» 'зов', «gou» 'корова', «nug» 'новый', «gasirægar» 'прохожий'. Примеры для фонемы *k*: «kǰr» 'дело', «kǰv» 'сизый', «pǰk» 'чистый', «xǰk» 'земля', «kuk» 'сын', «suwuk» 'легкий'.

Второй вариант встречается перед гласными переднего ряда в начале слога и после гласных переднего ряда в конце слога. Примеры для фонемы *g*: «ǰy» 'цветок', «dǰæ» 'другой', «ǰæǰæft» 'он взял', «sǰæǰ» 'собака', «dǰǰæ» 'вчера'. Примеры для фонемы *k*: «kǰk» 'блоха', «kǰe» 'когда', «kǰæmæǰ» 'пояс', «nǰæmǰk» 'соль', «kǰtǰb» 'книга'.

В отношении фонемы *g* изложенная картина характерна для всех говоров. Для фонемы же *k* в балаханском говоре наблюдается расхождение: среднеязычный вариант «ǰ» выделяется здесь в самостоятельную фонему. В балаханском говоре под влиянием азербайджанского языка закрепилось произношение «ǰ» после заднего гласного *ä*: «xǰk» 'земля', «hǰælk» 'гибель', «pǰk» 'чистый' и т. д. В результате вариант «ǰ» перестал зависеть от фонетических причин и тем самым превратился в фонему *k*. Поэтому здесь стало возможным противоположение такой пары слов, как *kǰr* 'глухой' и *kǰr* 'работа' (в говорах К. и Д. эти слова — омонимы: *kǰr*, в говоре С. различаются гласной: *kǰr* 'глухой' и *kǰr* 'работа'). Однако противоположение фонемы *k* и *k* в балаханском говоре очень ограничено: оно встречается только в одном фонетическом положении, в соседстве с *ä*.

¹ Остаточное в незначительном количестве слов татский язык, повидимому, сохранил в неударенных открытых слогах различение в длительности. Засвидетельствовано несколько примеров несокращающихся (устойчивых) *ä* и *u* в неударенных открытых слогах: *äxir* 'конец', *nǰzi* 'кошка', *tǰti* 'попугай', *ziri* 'сильный'.

Отношение «к» и «к̣» к другим гласным осталось прежним: рядом с передними гласными встречается только «к̣», рядом с *и* и *о* — только «к».

Другая фонема, нуждающаяся в описании, — велярное *ɟ*. В начале слова она представляет собою смычный звук со звонким взрывом. Начало же и вся выдержка могут быть глухими, что особенно характерно для говоров Д. и К. Благодаря этому на русский слух фонема *ɟ* в начале слова может восприниматься иногда как глухое *q*. В балаханском говоре глухим обычно является только первая половина звучания, отчего реже возникает впечатление глухого звука. При особенно отчетливом произношении возможно озвончение всего звука. Фонологическим и обязательным для *ɟ* является звонкий конец. Примеры: *ɟæm* 'тоска', *ɟeɪʃ* 'ремень', *ɟærb* 'могила', *ɟunʃi* (Д. и К.), *ɟonʃi* (Б.) 'сосед'.

В середине слова между гласными *ɟ* озвончается целиком и, в зависимости от четкости произношения, или аффрицируется, или спирализуется: «*ɟædʒɪr* || *ɟæɟɪr*» 'бедняк'; «*ɟædʒæp* || *ɟæɟæp*» 'масло'. Аналогично выявление фонемы *ɟ* и в конце слова: «*baɟɪ* || *baɟ*, *æɟæɟɪ* || *æɟæɟ*». Здесь она является глухоконечной, что на русский слух может дать впечатление глухого *x*.

Фонема *ʒ* в татском языке не засвидетельствована. У отдельных представителей говора Д. звук «*ʒ*» появляется как спирализованый вариант фонемы *ʝ*: «*ɟæʒɟun*» котел.

Звонкие смычные по своим фонетическим свойствам колеблются по говорам. В говорах Б. и С. звонкие смычные (*b*, *d*, *g*) не отличаются сколько-нибудь заметно от соответствующих русских, т. е. являются полновзвонками во всех фонетических положениях. Исключение составляет увулярный *ɟ*, который, как уже говорилось, является глухоначальным. Глухие смычные (*p*, *t*, *k*) факультативно могут иметь придыхательность, но придыхательность эта нефонологична и слабо выражена.

В говорах Д. и К. все звонкие смычные в начале слова и после глухих согласных в середине слова являются глухоначальными, т. е. согласными средней звонкости. Согласный может иметь лишь глухое начало, но может быть глухим и вплоть до взрыва (последнее мало характерно для *b*, *d*, *g*, но нормально для *ɟ*), что зависит от отчетливости речи. Соответственно этому глухие пары имеют добавочный признак — придыхательность, который усиливает противоположение звонких и глухих и является, таким образом, признаком фонологическим. Потеря глухим придыхательности уже влечет за собой возможность смешения его со звонкой парой. Это происходит, как и в талышском языке, в положении после глухих щелевых *f*, *s*, *ʃ*, *x*. В результате возникают дублиеты для таких сочетаний, как *xɔ* || *xɔ̰*, *ʃd* || *ʃd̰*, *sd* || *sd̰*, *fɔ* || *fɔ̰*: *gufɔ̰* 'он сказал', *sæxɔ̰m* 'я сделал', *ræfɔ̰m* 'я ушел', *hæfɔ̰dɔ̰* 'семьдесят', *hæʃdɔ̰* 'восемьдесят', *bisɔ̰* 'двадцать', *dənɪsɔ̰* 'узнавший'. В интервокальном положении все звонкие озвончаются полностью. Здесь они тождественны соответствующим звонким говорам Б. и С.